

НЕКОТОРЫЕ СОВРЕМЕННЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФИЛОСОФИИ КАНТА В ФРГ

Трудно переоценить значение Канта для современной духовной жизни Западной Германии. Скрыто или явно, но любой крупный философ прежде чем излагать собственную теорию определяет свое отношение к Канту. Такова традиция. Можно говорить о разной степени интереса к философии Канта в разные годы, но очевидно, что глубокая внутренняя связь немецкой философии с Кантом не прерывалась никогда.

О Канте и его философии издается до 200 работ в год на различных языках. Значительная часть этих работ принадлежит перу западногерманских авторов. Разнообразны тематика работ и способы подхода к предмету исследования. Глубокий анализ нередко сочетается с тенденциозностью и искажением подлинного смысла кантовских текстов. Систематический анализ современных исследований философии Канта в ФРГ представляется весьма актуальным для развития и углубления марксистского кантоведения. Философ-марксист из ГДР В. Ферстер делает попытку систематизации современных интерпретаций философии Канта в ФРГ, отмечая, что в целом они продолжают «критику Канта справа», начатую еще в пределах немецкой классической философии в лице Фихте и осуществляемую затем немецким неокантианским движением конца XIX — начала XX вв.¹ Ферстер считает наиболее влиятельной в настоящее время «метафизическую» интерпретацию (причем он не включает сюда неомистскую метафизику с ее попытками синтезировать учения Канта и Фомы Аквинского), выделяя также психологическую, аналитическую и другие интерпретации.

Остановимся на проблеме «метафизической» интерпретации Канта, той роли, которую сыграл Кант в развитии европейской метафизики (как учения о сверхчувственном бытии). Специфика кантовского понимания метафизики (он подвергает критике старую, «догматическую», метафизику и стремится обосновать новую, «критическую») создает определенные трудности в очерчивании границ метафизической интерпретации философии Канта и делает необходимым дифференцированный подход в пределах данной темы. Метафизическая интерпретация Канта может включать:

1. Попытки отмежеваться от неокантианства, ориентированного на теорию познания, и истолковать философию Канта как метафизику нового типа: а) в духе новой онтологии Н. Гартма-

на, б) как метафизику сознания и духа, в) как экзистенциальную онтологию (метафизику жизни, свободы и творчества человека).

2. Стремление делать акцент на элементы старой, догматической метафизики в системе Канта и интерпретировать кантовскую философию как старую лейбнице-вольфовскую метафизику, лишь «подновленную» и приукрашенную.

3. Выдвижение понятия «вещь в себе» в качестве ядра «Критики чистого разума». Проблема вещи в себе очень живо обсуждается в современной западной литературе². В решении проблемы вещи в себе существуют определенные трудности в силу многозначности этого понятия у Канта. Для метафизической интерпретации характерно не просто подчеркивание роли вещи в себе в системе Канта, но ее определенная гипертрофия. Перечень аспектов, характерных для метафизической интерпретации, в принципе может быть продолжен. В нашу задачу не входит, однако, полная «классификация» и дифференциация различных интерпретаций философии Канта по вышеуказанным мотивам, тем более что подчас бывает практически невозможно подвести философскую работу под строгие рамки классификации. Можно лишь отметить некоторые тенденции.

«Метафизическое» (или онтологическое) направление в интерпретации Канта возникло в 20-е годы, когда неокантианство, по существу, прекратило самостоятельное существование и вошло в качестве отдельных элементов в различные направления буржуазной философии. Поворот в исследованиях Канта, осуществленный в 20-е годы и идущий, по существу, от позднего неокантианства, означал переход «от чистого методологизма к метафизике интеллигибельного мира свободы»³. Речь идет о своеобразной онтологии сознания и субъективности. Один из основателей метафизической интерпретации философии Канта Х. Хаймзет в своей работе «Философия в 20 веке», входящей в качестве главы в поздние издания книги В. Виндельбанда «Учебник по истории философии», пишет: «Онтология современности выросла из предметно- и объектно-направленных тенденций внутри философии сознания»⁴. Тенденция рассматривать философию Канта как онтологию духа особенно сильно проявилась у Хаймзета в работе «Метафизические мотивы возникновения критического идеализма», в которой он говорит, что «кантовское понятие познания исходит... не из сущего вещного мира, внутри которого среди других субстанций находятся отражающие и отображающие субъекты, ...а из первоначальной реальности абсолютной духовной спонтанности, относительно которой всякое мировое и вещное бытие является вторичным»⁵. Критический поворот в творчестве Канта означает, по мнению Хаймзета, окончательную победу метафизики духа над метафизикой природы, последнее звено в цепи борьбы, которую уже с самого конца античности вела созданная христианством метафизика

духа против метафизики пространства. В интерпретации Хаймзета весьма ощутима теологическая окраска. Он считает, что Кант — последний из великих философов, у которых еще господствует понятие творения, поэтому Хаймзет выступает против сведения бога к простому постулату практического разума.

Кроме Х. Хаймзета, начало метафизической интерпретации Канта связано с такими мыслителями, как М. Вундт, Н. Гартман, М. Хайдеггер. В 1924 г. появилась книга М. Вундта «Кант как метафизик»⁶, в которой автор пытается показать, что главной задачей Канта было не обоснование опыта, а новое построение метафизики. У Вундта проводится параллель между кантовским и платоновским мышлением, утверждается, что Кант лишь подновил основные черты платонизма. Вундт считает, что все три кантовские «Критики» сходятся в идее бога.

Согласно Н. Гартману, недопустим разрыв между онтологией и теорией познания. Н. Гартман утверждает: «Предмет должен быть необходимым однородным в сущности своего бытия. Его непознаваемая часть должна иметь тот же *modus existendi*, что и познаваемая»⁷. Н. Гартман выступает против кантовского дуализма субъекта и объекта, явления и вещи в себе: то и другое — гетерогенные слои бытия. Категории у Канта, по мнению Н. Гартмана, не следует интерпретировать как чистые понятия рассудка, которые имеют силу для «субъекта вообще», они должны быть «идентичны мышлению и бытию»⁸.

Весьма интересной представляется трактовка философии Канта и ее отношения к метафизике в работах немецкого экзистенциалиста М. Хайдеггера.

Хайдеггер подвергает критике кантовский вывод об активности человеческого познания, утверждая вслед за Гуссерлем, что познание есть созерцание. Это и есть «онтологическое познание», лишь оно может способствовать отысканию «истины бытия». Хайдеггер высоко ценит те моменты в философии Канта, которые дают выход к «онтологическому познанию», т. е. «усмотрению бытия» (это — чистое созерцание, априорный синтез, продуктивная способность воображения).

Отождествляя чистое созерцание с продуктивным воображением, «этой таинственной способностью субъекта осуществлять синтез чувственных данных с категориями рассудка», Хайдеггер дает основание для иррационалистической трактовки философии Канта. «Поскольку то, что созерцается в чистом созерцании, не является чем-то сущим, налично данным, рассуждает Хайдеггер, то и само созерцание не является созерцанием в собственном смысле слова, т. е. не является рецептивной способностью; оно ничем не аффицируется извне. То, что созерцается в чистом созерцании, есть не сущее, а ничто... Созерцаемое в чистом созерцании как таковом есть *ens imaginarium*. Следовательно, чистое созерцание в основе своей сущности есть чистое воображение...»⁹.

Одним из ведущих представителей метафизической трактовки философии Канта в ФРГ считается Г. Мартин. Его интерпретация, изложенная в книге «Кант. Онтология и теория науки»¹⁰, развита из полемики против «натуралистического укорачивания неокантианства», в котором вынесено за скобки исследование бытия сущего. В работе «Введение в общую метафизику» Г. Мартин говорит о двух смыслах термина «метафизика»: «Метафизика определяется, особенно ее противниками, как учение о трансцендентных реальностях... в этом смысле метафизика должна была бы создать бога как трансцендентную реальность, лежащую за пределами природы. Но возможно и другое определение метафизики, и это другое определение должно больше соответствовать истории мышления. Здесь метафизика определяется в смысле вопроса: что есть бытие? И тогда всякий возможный ответ должен служить метафизикой»¹¹. Г. Мартин считает, что невозможность метафизики в первом смысле ни в коей мере не влечет за собой невозможности ее во втором смысле. Он замечает, что тезис о невозможности метафизики порой заходит так далеко, что эту невозможность бывает слишком трудно доказать. «Мы не думаем, что можно доказать невозможность вопроса: что есть бытие? и всякого ответа на него»¹². Невозможность метафизики, говорит Мартин, постулировалась неокантианцами, но Кант, выступая против догматической метафизики, не отвергал метафизику вообще. Г. Мартин замечает, что Кант после «Критики чистого разума» написал «Метафизические начала естествознания», а кто дает труду такое название, не может отвергать метафизику в любом смысле.

Другой представитель современной метафизической интерпретации Канта О. Блага в своей работе «Онтология Канта»¹³ замечает, что кантовская трансцендентальная философия более ста лет толковалась исключительно как теория познания и прежде всего как скептическая и агностическая критика и отвержение всякой метафизики. Лишь в последние десятилетия, замечает О. Блага, наметилась противоположная интерпретация, признающая, что Кант стремился к новому обоснованию метафизики. О. Блага утверждает, что он далек от крайнего проявления этой тенденции, сводящего всю систему Канта к метафизике, и пытается осветить кантовский труд совсем с другой стороны, говоря лишь об *онтологической основе* трансцендентальной философии. Блага пытается доказать, что в основе теории познания Канта лежит всеобъемлющий онтологический концепт — концепт о «подобных бытию основных отношениях» (*seinus maßigen Grundbeziehungen*). Именно это, по мнению О. Блага, придает оригинальность кантовскому учению, а вовсе не критика познания. Но говоря об онтологической основе трансцендентальной философии и придавая таким образом априорным конструкциям Канта онтологическое значение, он, по существу, исключает материалистические элементы его учения, отказы-

вается от восприятия прогрессивных сторон кантовского наследия и остается в узких академически-консервативных рамках.

Распространение метафизических трактовок Канта в ФРГ идет в русле общей для западной философии тенденции возрождения метафизики, «нового обоснования философии», которое связано с процессом реидеологизации, перевооружения буржуазной философии для новой борьбы с марксизмом. Современные интерпретаторы Канта в ФРГ отмежевываются от неокантианства, говорят о «новых» аспектах, но сколь «новы» эти обоснования, можно убедиться на примере работы К. Ойдингена «Кант и Маркс — близкое и далекое». Лозунг «возврата к Канту», который звучал на рубеже веков, звучит здесь с новой силой. По мнению К. Ойдингена, возврат к Канту необходим как немарксистам, так и марксистам «для критического пересмотра своих позиций, часто принимаемых за непреложные», для решения проблем, которые представляют «белые пятна в социализме»: это вопросы индивидуальной смерти и места человека на земле, вопрос о том, что необходимо для его существования.

По мнению Ойдингена, «имеются основополагающие представления и мотивации мышления, позволяющие рассматривать Канта и Маркса в поразительной близости друг к другу»¹⁴. Для обоих человек имеет достоинство, которое есть внутренняя ценность человека. Человек есть «цель сама по себе», говорит Кант в «Критике практического разума». Маркс в своих «Экономическо-философских рукописях» 1844 г. говорит о коммунизме как «возвращении человека к самому себе». Достоинство необходимо включает в себя свободу, высшую основу жизни, необходимое условие, лежащее в основе всех совершенств. И у Канта, и у Маркса в работе «К еврейскому вопросу» речь идет о свободе как условии развертывания заложенных в человеке потенций. Кант говорит, что ценность человека зависит от его деятельности. К. Маркс в «Экономическо-философских рукописях» называет человека деятельным природным существом, т. е. существом, которое приходит к себе только в деятельности, направленной на внешнее. И по Канту, и по Марксу, достоинство и счастье людей составляют, считает Ойдинген, высшее благо.

Различие же между ними лишь в том, что, по мнению К. Маркса, морального закона, доброй воли недостаточно, чтобы осуществить счастье всех людей. К. Маркс называет добрую волю старой иллюзией, утверждая, что Кант передвинул осуществление идеи всеобщей справедливости в потусторонний мир. Ойдинген считает, что К. Маркс несправедлив к Канту, так как Кант «как раз обращается к опыту и истории». Именно в решении вопроса о счастье, считает автор, дает себя знать «кантовская критическая трезвость в противоположность Марксу», ибо «нельзя априори вывести, возможно ли когда-нибудь достичь счастья всех людей, это нужно выводить из опыта и истории», так как «конечная цель не вся в нашей власти»¹⁵. Поскольку

речь идет о полноте выполнения морального закона, недостаточно, говорит автор, чисто технического изменения мира, экономического отрицания частной собственности. Маркс, считает Ойдингген, не указал, как «следует мыслить» уничтожение отчуждения человека и присвоение человеческой сущности человеком и для человека. Хотелось бы обратить особое внимание на это слово «мыслить». Не делать, не осуществить, а именно мыслить. Между тем проблема отчуждения человека связана в марксизме не столько с тем, «как это следует мыслить», сколько с общественной практикой. Но именно этот аспект остается вне внимания К. Ойдинггена. К тому же при таком подходе от автора ускользает и деятельная сторона познающего субъекта в философии Канта, и идея примата практического разума.

Нет необходимости доказывать, что такого рода «возврат к Канту» и попытки либо синтезировать его с «аутентичным марксизмом», либо представить марксизм как «более низкий» этап в истории философии лишь повторяют старые идеи «этического социализма», который в наши дни выступает под «новым» лозунгом «демократического социализма», «гуманного социализма», «социализма с человеческим лицом» и т. п.

Здесь отмечены лишь некоторые направления современных западных интерпретаций философии Канта. Их критический анализ имеет большое значение для современной идеологической борьбы, для объективной оценки роли и места в ней философии Канта.

¹ Förster W. Zwischen «Metaphysik» und praktischen Vernunft.— In: Zum Kantverständnis unserer Zeit. Berlin, 1975, S. 526—553.

² Sieh z. B., Prauss G. Kant und das Problem der Dinge an sich. Berlin, 1974.

³ Funke G. Der Weg zur ontologischen Kantinterpretation. — «Kant-Studien», 1971, H. 4, S. 446.

⁴ Windelband W. Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Mit einer Schlußkapitel — Die Philosophie im 20 Jahrhundert (von H. Heimsoeth). Tübingen, 1935, S. 582.

⁵ Heimsoeth H. Metaphysische Motive in der Ausbildung des kritischen Idealismus. Köln, 1956, S. 123.

⁶ Wundt M. Kant als Metaphysiker. Stuttgart, 1924.

⁷ Hartmann N. Diesseits von Idealismus und Realismus. — «Kant-Studien», Bd. 29, 1924, S. 194.

⁸ Ibid., S. 187.

⁹ Гайденко П. П. Учение Канта и его экзистенциалистская интерпретация.— В кн.: Философия Канта и современность. М., 1974, с. 388.

¹⁰ Martin G. Immanuel Kant. Ontologie und Wissenschaftstheorie. Berlin, 1969.

¹¹ Martin G. Einführung in die allgemeine Metaphysik. Köln, 1957, S. 146.

¹² Ibid., S. 148.

¹³ Blaha O. Ontologie Kants. Ihr Grundriss in der Transzendentalphilosophie. Salzburg—München, 1967.

¹⁴ Oedingen K. Kant und Marx. Nähe und Ferne.— «Kant — Studien», 1974, Bd. 2, S. 774—781.

¹⁵ Ibid., S. 778.